

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-14-22>

О некоторых вопросах компенсации морального вреда

А. М. Эрделевский

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: amarer@yandex.ru

About Some Issues of Compensation for Moral Damage

A. M. Erdelevsky

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: amarer@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматривается ряд актуальных вопросов, связанных с применением такого способа защиты гражданских прав, как компенсация морального вреда. Эти вопросы рассматриваются во взаимосвязи с анализом Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 33 от 15 ноября 2022 г. «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». В частности, рассматривается вопрос об установлении презумпции причинения потерпевшему морального вреда в случае совершения в отношении него любого правонарушения. Также рассматривается вопрос о возможности и условиях перехода права на компенсацию морального вреда в порядке универсального и сингулярного правопреемства. В работе использованы общенаучные и специальные методы исследования, в том числе метод анализа и синтеза, обобщения, формально-логический, системный, сравнительный и др. В результате проведенного в работе анализа сделан вывод о наличии достаточных оснований для применения на основе существующего законодательства и материалов судебной практики презумпции причинения потерпевшему морального вреда в случае любого нарушения его прав. Относительно возможности сингулярного и универсального правопреемства в отношении требования о компенсации морального вреда сделан вывод о возможности такого правопреемства не только применительно к компенсации морального вреда, установленной вступившим в законную силу судебным решением, но и внесудебным соглашением о компенсации причиненного потерпевшему морального вреда.

Ключевые слова: физические и нравственные страдания, размер компенсации, презумпция, правонарушение, уступка права, наследование, судебная практика, нематериальные блага, неимущественные права.

Abstract

This article discusses a number of topical issues related to the use of such a method of protecting civil rights as compensation for moral damage. These issues are considered in connection with the analysis of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33 "On the practice of application by courts of norms on compensation for moral damage" dated November 15, 2022. In particular, the issue of establishing the presumption of moral damage to the victim in the case of committing any offense against him is being considered. The issue of the possibility and conditions for the transfer of the right to compensation for moral damage in the order of universal and singular succession is also being considered. The work uses general scientific and special research methods, including the method of analysis and synthesis, generalization, formal-logical, systematic, comparative, etc. As a result of the analysis carried out in the work, it was concluded that there are sufficient grounds for applying, on the basis of existing legislation and materials of judicial practice, the presumption of causing moral harm to the victim in the event of any violation of his rights. Regarding the possibility of singular and universal succession with respect to the claim for compensation for moral damage, it is concluded that such succession is possible not only in relation to compensation for moral damage established by a court decision that

has entered into force, but also by an out-of-court agreement on compensation for moral damage caused to the victim.

Keywords: physical and moral suffering, compensation size, presumption, offense, assignment of rights, inheritance, judicial practice, intangible benefits, non-property rights.

В принятом 15 ноября 2022 г. Пленумом Верховного суда Российской Федерации Постановлении № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»¹ (далее – Постановление) был сделан ряд важных разъяснений относительно некоторых вопросов применения гражданско-правового института компенсации морального вреда. Одновременно пунктом 69 Постановления было признано утратившим силу действовавшее ранее Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». В целом Постановление, вероятно, будет способствовать развитию и совершенствованию судебных подходов к применению норм российского законодательства о компенсации морального вреда и повышению уровня единообразия судебной практики в этой области. Однако ряд положений Постановления вызывают определенные вопросы и замечания.

Так, например, в пункте 1 Постановления, где идет речь о понятии морального вреда, воспроизводится содержащееся в статье 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определение этого вида вреда и отмечается, что под ним понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные или имущественные права. Приводятся примеры таких нематериальных благ и личных неимущественных прав: жизнь, здоровье, достоинство личности, свобода, личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личная тайна, семейная тайна, честь и доброе имя, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, теле-

графных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности.

В числе этих примеров не вполне удачным представляется упоминание о праве на защиту от оскорбления, высказанного при выражении оценочного мнения, хотя такое право у гражданина, конечно, есть. Но гражданин имеет право на защиту от любого оскорбления, а не только нанесенного при выражении оценочного мнения. Нанесением оскорбления, то есть унижением чести и достоинства другого лица, выраженным в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, всегда умаляется достоинство личности, независимо от повода и способа его нанесения. Согласно части 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности. Поэтому, как представляется, в пункте 1 Постановления было бы вполне достаточно упоминания о достоинстве личности в числе нематериальных благ, защищаемых путем компенсации морального вреда.

Понятие физических и нравственных страданий раскрывается в пункте 14 Постановления, согласно которому под физическими страданиями следует понимать физическую боль, связанную с причинением увечья, иным повреждением здоровья, либо заболевание, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы, а под

¹ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2023. – № 2.

нравственными – страдания, относящиеся к душевному неблагополучию человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции).

Следует также обратить внимание на развернутый неисчерпывающий перечень примеров личных неимущественных прав и иных нематериальных благ, нарушение которых может причинять гражданину моральный вред. При этом в пункте 2 Постановления дополнительно отмечается, что отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не означает, что потерпевший не имеет права на компенсацию морального вреда, причиненного действиями (бездействием), нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага.

Весьма важное значение имеет указание в пункте 3 Постановления о том, что моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, в силу пункта 2 статьи 1099 ГК РФ подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом (например, статьей 15 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», абзацем 6 статьи 6 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»). При этом в указанных случаях компенсация морального вреда присуждается истцу при установлении судом самого факта нарушения его имущественных прав, т. е. истец в этом случае освобождается от доказывания факта претерпевания им морального вреда (этот факт предполагается), что, впрочем, не лишает ответчика возможности доказывать отсутствие в действительности у истца по каким-либо причинам страданий в связи с нарушением

его имущественных прав (см. также [2], где высказывается аналогичное мнение).

Из пункта 3 Постановления можно сделать вывод о том, что сформулированная в нем презумпция причинения морального вреда должна применяться в случае нарушения и любых принадлежащих гражданину неимущественных прав. Иными словами, установление судом факта совершения в отношении потерпевшего любого такого правонарушения одновременно создает, исходя из пункта 3 Постановления, презумпцию факта причинения потерпевшему морального вреда.

Такой вывод подкрепляется и содержанием пункта 12 Постановления, где перечислены предусмотренные законом основания и условия применения такой меры гражданско-правовой ответственности, как компенсация морального вреда, а именно: физические или нравственные страдания потерпевшего; неправомерные действия (бездействие) причинителя вреда; причинная связь между неправомерными действиями (бездействием) и моральным вредом; вина причинителя вреда.

Нетрудно видеть, что в числе оснований ответственности за причинение морального вреда в пункте 12 Постановления указаны, в частности, страдания потерпевшего. При этом далее в этом же пункте Постановления указывается, что потерпевший – истец по делу о компенсации морального вреда – должен доказать факт нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага, а также то, что ответчик является лицом, действия (бездействие) которого повлекли эти нарушения, или лицом, в силу закона обязанным возместить вред. В пункте 12 Постановления нет указания на обязанность потерпевшего доказать факт причинения ему страданий вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага. Поэтому усматриваются достаточные основания полагать, что в пункте 12 Постановления имеется в виду наличие презумпции причинения потерпевшему морального вреда любым нарушением его нематериальных благ либо, в предусмотренных законом случаях, также нарушением его имущественных прав.

Отмеченное обстоятельство имеет весьма важное значение. Дело в том, что до принятия анализируемого Постановления на презумпцию

причинения потерпевшему морального вреда в связи с совершением в отношении него неправомерного действия указывалось в актах Верховного суда Российской Федерации, посвященных лишь отдельным видам споров.

Так, в пункте 45 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» отмечалось, что при решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя.

В пункте 32 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» (далее – Постановление № 1) указывалось, в частности, что, поскольку потерпевший в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях испытывает физические или нравственные страдания, факт причинения ему морального вреда предполагается, а установлению в данном случае подлежит лишь размер компенсации морального вреда.

Вместе с тем, как указывается далее в пункте 32 Постановления, при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности, членам его семьи, иждивенцам, суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. Указанные обстоятельства влияют также и на определение размера компенсации этого вреда. Наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда.

Видимо, это суждение Верховного суда Российской Федерации, вызывающее серьезные сомнения, распространяется и на факт семейных отношений, поскольку перед этим в пункте 32 Постановления № 1 есть упоминание, в частности, о членах семьи потерпевшего (см. также [4; 5]).

Усматривается некоторая коллизия между пунктом 12 Постановления и пунктом 32 Постановления № 1. Как отмечалось выше, в случае смерти потерпевшего у членов его семьи или родственников прекращаются такие нематери-

альные блага как семейные или родственные связи. Из пункта 32 Постановления № 1 следует, что на членов семьи и родственников возлагается бремя доказывания их страданий в связи со смертью потерпевшего. По крайней мере так воспринимают пункт 32 Постановления № 1 суды при рассмотрении конкретных дел. С позиций же пункта 12 Постановления членам семьи или родственникам достаточно доказать свой статус родственника или члена семьи умершего, а их страдания в связи со смертью потерпевшего предполагаются, но это предположение может быть опровергнуто путем представления доказательств обратного.

Думается, отмеченная коллизия должна решаться в пользу Постановления как по формальным (как более позднего судебного акта общего характера), так и по сущностным соображениям. В силу пункта 1 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации семейное законодательство исходит из построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения. При предполагаемом наличии таких чувств утрата, смерть члена семьи не может не причинять страдания, то есть моральный вред. Но по самым разным причинам чувств любви и уважения между членами семьи или родственниками в конкретном случае может и не быть. В этом случае презумпция причинения страданий может быть опровергнута причинителем вреда. То есть не родственник или член семьи умершего обязан доказать факт причинения ему страданий в связи со смертью последнего, а, напротив, причинитель вреда должен доказать отсутствие таких страданий (например, по причине плохих отношений между членами семьи, отсутствия контактов между умершим и претендующим на компенсацию морального вреда в связи с его смертью родственником и т. п.).

Наряду с общей презумпцией причинения потерпевшему морального вреда, о которой, на наш взгляд, идет речь в пункте 12 Постановления, в Постановлении упомянуты и презумпции факта причинения потерпевшему морального вреда отдельными видами правонарушений.

Так, в пункте 15 Постановления указывается, что причинение морального вреда потерпевшему в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях предполагается, и сам факт причинения вреда здоровью, в том числе при отсутствии возможности точного определения степени его тяжести, является достаточным основанием

для удовлетворения иска о компенсации морального вреда. При этом привлечение лица, причинившего вред здоровью потерпевшего, к уголовной или административной ответственности не является обязательным условием для удовлетворения иска.

В пункте 16 Постановления отмечается, что в случаях, если законом предусмотрена обязанность ответчика компенсировать моральный вред в силу факта нарушения иных прав потерпевшего, при доказанности факта нарушения права гражданина (например, потребителя) отказ в удовлетворении требования о компенсации морального вреда не допускается. Факт причинения морального вреда потерпевшему от преступления, в том числе преступления против собственности, не нуждается в доказывании, если судом на основе исследования фактических обстоятельств дела установлено, что это преступление нарушает личные неимущественные права потерпевшего либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (пункт 17 Постановления).

О презумпции причинения морального вреда потерпевшему идет речь и в пункте 50 Постановления, где указывается, что истец по делу о компенсации морального вреда, причиненного распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, обязан доказать факт распространения ответчиком этих сведений и их порочащий характер, а ответчик – соответствие распространенных сведений действительности. При доказанности факта распространения таких сведений наличие морального вреда предполагается, а компенсация морального вреда взыскивается судом независимо от вины причинителя вреда.

Наличие причинной связи между противоправным поведением причинителя вреда и моральным вредом означает, согласно пункту 18 Постановления, что противоправное поведение причинителя вреда повлекло наступление негативных последствий в виде физических или нравственных страданий потерпевшего.

Представляет особый интерес пункт 4 Постановления, в котором судам рекомендовано учитывать, что в случаях, если действия (как и бездействие) направлены против имущественных прав гражданина и одновременно нарушают его личные неимущественные права или посягают на принадлежащие ему нематериальные блага,

причиняя этим гражданину физические или нравственные страдания, компенсация морального вреда взыскивается на общих основаниях. В качестве примера приводится умышленная порча одним лицом имущества другого лица, представляющего для последнего особую неимущественную ценность (единственный экземпляр семейного фотоальбома, унаследованный предмет обихода и др.).

Высказанные в пункте 4 Постановления рекомендации вызывают некоторые вопросы. Прежде всего следует обратить внимание на слово «направленные», которое указывает на наличие у причинителя вреда прямого умысла при нарушении имущественных прав гражданина. При этом, как следует из пункта 4 Постановления, умысел должен быть направлен на нарушение имущественных прав, в то время как в отношении нарушения неимущественных прав такой направленности умысла, как и умысла как такового, прямого или косвенного, не требуется.

Предположим, применительно к приведенному в пункте 4 Постановления примеру хозяин показывает гостю свой семейный фотоальбом, где есть фотография, представляющая для хозяина особую неимущественную ценность, например, единственная сохранившаяся фотография семейного предка. Если гость вследствие внезапно возникшей у него неприязни к хозяину умышленно уничтожает эту фотографию, то связанный с этим моральный вред подлежит компенсации, как указывается в пункте 4 Постановления, «на общих основаниях». Если же гость по неосторожности выплескивает горячий чай из чашки на фотографию, в результате чего она оказывается повреждена или полностью уничтожена, то причиненный моральный вред компенсации не подлежит, хотя имущественный вред близок к нулю, сводясь к стоимости старой фотобумаги, а моральный вред может быть очень велик. Или все же подлежит, но не «на общих основаниях»?

Ни нормы о компенсации морального вреда, ни общие нормы ГК РФ о возмещении вреда не позволяют дать четкие ответы на поставленные вопросы и не содержат никакого основания для того суждения, которое сформулировано в пункте 4 Постановления.

Одним из оснований ответственности за причинение вреда, в том числе морального, является вина причинителя вреда. Какого-либо правового значения для наступления ответственности за причинение морального и иного вреда форма

вины причинителя вреда (умысел или неосторожность) не имеет. Собственно говоря, в пункте 22 Постановления Верховный суд Российской Федерации сам совершенно правильно отмечает, что моральный вред подлежит компенсации независимо от формы вины причинителя вреда (умысел, неосторожность), и лишь при определении размера компенсации морального вреда суд учитывает форму и степень вины причинителя вреда (статья 1101 ГК РФ). Таким образом, положения пункта 4 Постановления, как представляется, не находят подкрепления в действующем законодательстве, порождают серьезные и неустранимые сомнения и нуждаются в корректировке (см. также [6]).

Аналогичные соображения в определенной мере касаются и пункта 5 Постановления, где указано, что гражданин, потерпевший от преступления против собственности, например, при совершении кражи, мошенничества, присвоения или растраты имущества, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и др., вправе предъявить требование о компенсации морального вреда, если ему причинены физические или нравственные страдания вследствие нарушения личных нематериальных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

Вероятно, сформулированная Верховным судом Российской Федерации в пункте 5 Постановления рекомендация является отражением сделанного Конституционным судом Российской Федерации в Постановлении от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шилового» (далее – Постановление № 45-П) вывода о том, что статья 151 ГК РФ сама по себе не исключает компенсацию морального вреда в случае совершения в отношении гражданина преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и его личные нематериальные права или посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет указанному лицу физические или нравственные страдания.

Принят во внимание Верховным судом Российской Федерации и сделанный Конституционным судом Российской Федерации в Постановлении № 45-П вывод о несоответствии части 1

статьи 151 ГК РФ Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 ГК РФ, – служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных нематериальных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

С учетом этого Конституционный суд РФ сделал вывод о том, что любое преступление против собственности, обладая наибольшей степенью общественной опасности по сравнению с гражданскими или административными правонарушениями, посягающими на имущественные права, не только существенно умаляет указанное конституционное право, но и фактически всегда посягает на достоинство личности. В то же время – при определенных обстоятельствах – оно может причинять потерпевшему от преступления как физические, так и нравственные страдания (моральный вред), хотя этот факт не является во всех случаях безусловным и очевидным.

В этом смысле, как отметил Конституционный суд Российской Федерации, реализация потерпевшим от преступления против собственности конституционного права на компенсацию причиненного ущерба может включать в себя и нейтрализацию посредством возмещения морального вреда понесенных потерпевшим физических или нравственных страданий, но лишь при условии, что таковые реально были причинены лицу преступным посягательством не только на его имущественные права, но и на принадлежащие ему личные нематериальные права или нематериальные блага, среди важнейших из которых – достоинство личности.

Перейдем к вопросу о возможности перехода права на компенсацию морального вреда в порядке сингулярного и универсального правопреемства. В пункте 8 Постановления обращается внимание на неразрывную связь с личностью потерпевшего его права требовать компенсации морального вреда, в том числе в случае наруше-

ния прав потребителей, в связи с чем оно не может быть передано в порядке правопреемства, в частности уступки требования. Однако право требования денежной суммы, взысканной судом в счет компенсации морального вреда, может быть передано потерпевшим в порядке правопреемства (уступки требования) любому лицу. Право на компенсацию морального вреда, как неразрывно связанное с личностью потерпевшего, не входит в состав наследственного имущества и не может переходить по наследству, однако право на получение денежной суммы, взысканной судом в счет компенсации морального вреда, переходит к наследникам в составе наследственной массы в случае, если потерпевшему присуждена компенсация, но он умер, не успев получить ее (см. также [1]).

В пунктах 24–36 Постановления сформулированы общие рекомендации относительно способа и размера компенсации морального вреда. В пункте 24 Постановления отмечается, что по общему правилу моральный вред компенсируется по решению суда в денежной форме, однако причинитель вреда вправе во внесудебном порядке добровольно предоставить потерпевшему компенсацию морального вреда как в денежной, так и в иной форме (например, в виде ухода за потерпевшим, в виде передачи какого-либо имущества, оказания какой-либо услуги, выполнения самим причинителем вреда или за его счет работы, направленной на сглаживание физических и нравственных страданий потерпевшего).

Однако, как указывается далее в пункте 24 Постановления, факт получения потерпевшим добровольно предоставленной причинителем вреда компенсации как в денежной, так и в иной форме, как и сделанное потерпевшим в рамках уголовного судопроизводства заявление о полной компенсации причиненного ему морального вреда, не исключает возможности взыскания компенсации морального вреда в порядке гражданского судопроизводства. Суд вправе взыскать компенсацию морального вреда в пользу потерпевшего, которому во внесудебном порядке была выплачена либо предоставлена в неденежной форме компенсация, если, исходя из обстоятельств дела, придет к выводу о том, что компенсация, полученная потерпевшим, не позволяет в полном объеме компенсировать причиненные ему физические или нравственные страдания.

В пункте 24 Постановления прямо не поясняется, распространяется ли приведенное в нем

разъяснение также на случай, когда компенсация морального вреда предоставляется потерпевшему во исполнение внесудебного соглашения о компенсации морального вреда с причинителем вреда. Думается, что не должно распространяться, принимая во внимание правило статьи 237 Трудового кодекса Российской Федерации о том, что моральный вред, причиненный работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя, возмещается работнику в денежной форме в размерах, определяемых соглашением сторон трудового договора, и лишь в случае возникновения спора факт причинения работнику морального вреда и размеры его возмещения определяются судом независимо от подлежащего возмещению имущественного ущерба, что более подробно разъясняется в пункте 46 Постановления.

Отсюда следует, что в отношении размера компенсации морального вреда законодатель отдает приоритет по этому вопросу соглашению между причинителем вреда и потерпевшим перед судебным решением по этому вопросу. Представляется, что этот подход распространяется не только на трудовые, но и любые другие виды отношений между потерпевшим и причинителем вреда, поскольку согласованную ими оценку той денежной суммы, которая достаточна потерпевшему в целях сглаживания причиненных ему страданий, следует считать наиболее точно отражающей все необходимые критерии оценки размера компенсации морального вреда. Ведь потерпевший лучше кого-либо другого, в том числе и суда, осознает характер и степень испытываемых им страданий, которые всецело относятся к его внутренней сфере. Возможная склонность потерпевшего к преувеличению необходимой для их сглаживания компенсации нейтрализуется волей другой стороны соглашения (причинителя вреда), заинтересованной в обратном.

Лишь в случае недостижения внесудебного соглашения о размере компенсации морального вреда этот размер должен определяться судом по правилам статей 151 и 1101 ГК РФ. В этом случае дополнительное взыскание компенсации морального вреда в судебном порядке может быть возможно лишь после признания судом соглашения о добровольной компенсации морального вреда недействительным по основаниям, предусмотренным ГК РФ, либо после расторжения такого соглашения, если оно еще не исполнено.

Поэтому в пункте 24 Постановления имеется в виду ситуация, когда причинитель морального вреда по своей инициативе совершает действия, направленные на сглаживание причиненных потерпевшему страданий, а потерпевший принимает эти действия, напрямую не заявляя об их признании компенсацией морального вреда в полном объеме. В этом случае соглашение о внесудебной компенсации морального вреда отсутствует, поэтому возможно дополнительное взыскание компенсации морального вреда в судебном порядке.

По изложенным соображениям требование выплаты денежной суммы, определенной соглашением о компенсации морального вреда, следует, как представляется, считать способным к переходу в порядке как универсального, так и сингулярного правопреемства (см. также [2; 7]).

Однако, как указывалось выше, в пункте 8 Постановления о возможности перехода такого требования в порядке его уступки или в составе наследственной массы прямо не упоминается.

Применительно к определению судом размера компенсации морального вреда необходимо обратить внимание на пункты 30 и 31 Постановления, где поясняется, что судом должны учитываться требования разумности и справедливости, в связи с чем сумма компенсации морального вреда, подлежащая взысканию с ответчика, должна быть соразмерной последствиям нарушения и компенсировать потерпевшему перенесенные им физические или нравственные страдания, устранить эти страдания либо сгладить их остроту.

Поэтому вопрос о разумности присуждаемой суммы должен решаться судом с учетом всех обстоятельств дела, в том числе значимости компенсации относительно обычного уровня жизни и общего уровня доходов граждан, в связи с чем исключается присуждение потерпевшему чрезвычайно малой и незначительной денежной суммы, если только такая сумма не была указана им в исковом заявлении. При этом неуказание истцом размера компенсации морального вреда, как и предъявление требования о взыскании

компенсации в незначительном размере, не является основанием для отказа в иске. Если определение размера компенсации морального вреда оставлено истцом на усмотрение суда, то суд, придя к выводу о необходимости присуждения данной компенсации, определяет ее размер, руководствуясь статьями 151 и 1101 ГК РФ.

В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу пункта 1 статьи 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Применительно к компенсации морального вреда в Обзоре судебной практики Верховного суда № 2 (2018), утвержденном Президиумом Верховного суда Российской Федерации 4 июля 2018 г., указывается, что по аналогии с вышеуказанным разъяснением объем причиненных телесных повреждений, их характер и степень тяжести для разрешения спора о взыскании компенсации морального вреда тоже должны быть доказаны с разумной степенью достоверности, а невозможность установления точного количества, характера и степени тяжести телесных повреждений не может являться основанием для отказа в иске о возмещении морального вреда.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в целом Постановление способно оказать позитивное воздействие на развитие российской судебной практики в области рассмотрения споров о компенсации морального вреда, но его отдельные положения требуют уточнения либо корректировки.

Список литературы

1. Богданова И. С. К вопросу о возможности наследственного преемства на стороне должника в обязательстве по компенсации морального вреда // Юрист. – 2023. – № 5. – С. 17–23.

2. *Губаева А. К., Ли Чжеву, Кратенко М. В.* Базовый дискурс деликтного права в контексте разъяснений Верховного суда РФ о компенсации морального вреда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 2. – Вып. 2 (60). – С. 257 – 284.
3. *Егорова М. А., Кархалев Д. Н., Чельшева Н. Ю., Комиссаров Г. А.* Компенсация морального вреда: новые подходы в судебной практике // Юрист. – 2023. – № 5. – С. 2–9.
4. *Зайцев О. В.* Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 2. – С. 105–136.
5. *Михайлова И. А.* Обязательства вследствие причинения вреда жизни или здоровью. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 // Цивилист. – 2010. – № 4. – С. 36–41.
6. *Петрова А. С.* Взыскание компенсации морального вреда при рассмотрении гражданских дел мировым судьей // Мировой судья. – 2023. – № 9. – С. 29–33.
7. *Ягельницкий А. А.* К вопросу о неразрывной связи права с личностью: преемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // Вестник гражданского права. – 2013. – № 2. – С. 60–91.